

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ДОРОЖНЫЙ ТОВАРИЩ

Ганс Андерсен
Дорожный товарищ

«Public Domain»

1835

Андерсен Г. Х.

Дорожный товарищ / Г. Х. Андерсен — «Public Domain»,
1835

«Бедняга Иван был в большом горе: отец его лежал при смерти. Они были одни в своей каморке; лампа на столе догорала; дело шло к ночи. — Ты был мне добрым сыном, Иван! — сказал больной. — Бог не оставит тебя своею милостью!..»

© Андерсен Г. Х., 1835

© Public Domain, 1835

Ганс Христиан Андерсен Дорожный товарищ

Бедняга Иван был в большом горе: отец его лежал при смерти. Они были одни в своей каморке; лампа на столе догорала; дело шло к ночи.

– Ты был мне добрым сыном, Иван! – сказал больной. – Бог не оставит тебя своею милостью!

И он ласково-серьёзно взглянул на Ивана, глубоко вздохнул и умер, точно заснул. Иван заплакал. Теперь он остался круглым сиротой: ни отца у него, ни матери, ни сестёр, ни братьев! Бедняга Иван! Долго стоял он на коленях перед кроватью и целовал руки умершего, заливаясь горькими слезами, но потом глаза его закрылись, голова склонилась на край постели, и он заснул.

И приснился ему удивительный сон.

Он видел, что солнце и месяц преклонились перед ним, видел своего отца опять свежим и бодрым, слышал его смех, каким он всегда смеялся, бывало, когда был особенно весел; прелестная девушка, с золотой короной на чудных, длинных волосах, протягивала Ивану руку, а отец его говорил: «Видишь, какая у тебя невеста? Первая красавица в свете!»

Тут Иван проснулся, и – прощай всё это великолепие! Отец его лежал мёртвый, холодный, и никого, никого не было больше у Ивана! Бедняга Иван!

Через неделю умершего хоронили; Иван шёл за гробом. Не видать ему больше своего доброго отца, который так любил его! Иван слышал, как ударялась о крышку гроба земля, видел, как гроб засыпали всё больше и больше; вот уж виден только один краешек, но ещё горсть земли – и гроб скрылся совсем. У Ивана чуть сердце не разорвалось от горя. Над могилой пели псалмы; чудное пение растрогало Ивана до слёз, он заплакал, и на душе у него стало полегче. Солнышко так приветливо сияло на зелёные деревья, как будто говорило: «Не тужи, Иван! Посмотри, какое красивое голубое небо, – там твой отец молится за тебя!»

– Я буду вести хорошую жизнь! – сказал Иван. – И тогда я тоже пойду на небо к отцу. Вот будет радость, когда мы опять свидимся! Сколько у меня будет рассказов! А он покажет мне все чудеса и красоту неба и опять будет учить меня, как учил, бывало, здесь, на земле. Вот будет радость!

И он так живо представил себе всё это, что даже улыбнулся сквозь слёзы. Птички, сидевшие в ветвях каштанов, громко чирикали и пели; им было весело, хотя они только что присутствовали при погребении, но они, ведь, знали, что умерший теперь на небе, что у него выросли крылья, куда красивее и больше, чем у них, и что он вполне счастлив, так как вёл здесь, на земле, добрую жизнь. Иван увидел, как птички вспорхнули с зелёных деревьев и высоко-высоко взвились в воздух, и ему самому захотелось улететь куда-нибудь подальше. Но сначала он должен был поставить на могиле отца деревянный крест. Вечером он принёс крест и увидал, что могила вся усыпана песком и убрана цветами, – об этом позаботились посторонние люди, очень любившие доброго его отца.

На другой день, рано утром, Иван связал всё своё добро в маленький узелок, положил в кошелёк весь свой наследственный капитал: 50 талеров и ещё две мелких серебряных монетки, и был готов пуститься в путь-дорогу. Прежде всего он отправился на кладбище, на могилу отца, прочёл над ней «Отче наш» и сказал:

– Прощай, милый отец! Я постараюсь вести добрую жизнь, а ты помолись за меня на небе!

Потом Иван свернул в поле. В поле росло много свежих красивых цветов; они грелись на солнышке и качали от ветра головками, точно говорили: «Добро пожаловать! Не правда ли, как у нас тут хорошо?» Иван ещё раз обернулся, чтобы взглянуть на старую церковь,

где его крестили ребёнком и куда он ходил по воскресеньям с своим добрым отцом петь псалмы. Высоко-высоко, на самом верху колокольни, в одном из круглых окошечек, Иван увидел крошку-домового в красной остроконечной шапочке, который стоял, заслонив глаза от солнца правую рукой. Иван поклонился ему, и крошка-домовой высоко взмахнул в ответ своею красною шапкой, прижал руку к сердцу и послал Ивану несколько воздушных поцелуев, – вот как горячо желал он Ивану счастливого пути и всего хорошего!

Иван стал думать о чудесах Божьего мира, которые ему предстояло теперь увидеть, и бодро шёл вперёд, вперёд, дальше, дальше, где никогда ещё не была его нога; вот уже пошли чужие города, незнакомые лица, – он забрался далеко, далеко от своей родины.

Первую ночь ему пришлось провести в поле, на стогу сена, – другой постели взять было негде. «Да и что ж, – думалось ему, – лучшей спальни не найдётся у самого короля!» В самом деле, поле с ручейком, стог сена и голубое небо над головой – чем не спальня? Вместо ковра – зелёная травка с красными и белыми цветочками, вместо букетов цветов в вазах – кусты бузины и шиповника, а вместо умывальника – целый ручей, с хрустальною свежою водой, в рамке из тростника, который приветливо кланялся Ивану и желал ему и доброй ночи и доброго утра. Высоко под голубым потолком висел огромный ночник – месяц; уж этот ночник не подожжёт занавесок! И Иван мог заснуть совершенно спокойно. Так он и сделал, крепко проспал всю ночь и проснулся только рано утром, когда солнце уже сияло, а птички пели:

– Здравствуй! здравствуй! Ты ещё не встал?

Колокола звали в церковь, – было воскресенье; народ шёл послушать священника; пошёл за ним и Иван, пропел псалом, послушал Слова Божьего, и ему показалось, что он был в своей собственной церкви, где его крестили и куда он ходил петь псалмы с отцом.

На церковном кладбище было много могил, совсем заросших сорною травой. Иван вспомнил о могиле отца, которая могла со временем прийти в такой же вид, – некому было, ведь, больше ухаживать за ней! Он присел на землю и стал вырывать сорную траву, поправил покачнувшиеся кресты и положил на место сорванные ветром венки, думая при этом: «Может статься, кто-нибудь сделает то же на могиле моего отца».

У ворот кладбища стоял старый калека-нищий; Иван отдал ему всю свою серебряную мелочь и весело пошёл дальше по белу свету.

К вечеру собралась гроза; Иван спешил укрыться куда-нибудь на ночь, но скоро наступила полная темнота, а он успел дойти только до часовенки, одиноко возвышавшейся на придорожном холме; дверь, к счастью, была отперта, и он вошёл туда, чтобы переждать непогоду.

– Тут я и посижу в уголке! – сказал Иван. – Я страшно устал и мне надо отдохнуть.

И он опустил на пол, сложил руки, прочёл вечернюю молитву и ещё какие знал, потом заснул и спал себе спокойно, пока в поле сверкала молния и грохотал гром.

Когда Иван проснулся, гроза уже прошла, и месяц светил прямо в окна. Посреди часовни стоял раскрытый гроб с покойником, которого ещё не успели похоронить. Иван нисколько не испугался, – совесть у него была чиста, и он хорошо знал, что мёртвые никому не делают зла, не то, что живые злые люди. Двое таких как раз и стояли возле мёртвого, поставленного в часовню в ожидании погребения. Они хотели обидеть бедного умершего – выбросить его из гроба за порог.

– Зачем вы хотите сделать это? – спросил их Иван. – Это очень дурно и грешно! Оставьте его покоиться с миром!

– Вздор! – сказали злые люди. – Он надул нас! Взял у нас деньги, не заплатил и умер! Теперь мы не получим с него ни гроша; так вот, хоть отомстим ему, – пусть валяется, как собака, за дверями!

– У меня всего 50 талеров, – сказал Иван: – это всё моё наследство, но я охотно отдам его вам, если вы дадите мне слово оставить бедного умершего в покое! Я обойдусь и без денег, у меня есть пара здоровых рук, да и Бог не оставит меня!

– Ну, – сказали злые люди, – если ты заплатишь нам за него, мы не сделаем ему ничего дурного, будь спокоен!

И вот, они взяли у Ивана деньги, посмеялись над его простотой и пошли своею дорогой, а Иван хорошенько уложил покойника в гробу, скрестил ему руки, простился с ним и с весёлым сердцем вновь пустился в дорогу.

Идти пришлось через лес; между деревьями, освещёнными лунным сиянием, резвились прелестные малютки-эльфы; они ничуть не пугались Ивана; они хорошо знали, что он добрый, невинный человек, а, ведь, только злые люди не могут видеть эльфов. Некоторые из малюток были не больше мизинца и расчёсывали свои длинные белокурые волосы золотыми гребнями, другие качались на больших каплях росы, лежавших на листьях и стебельках травы; иногда капля скатывалась, а с нею и эльфы, прямо в густую траву, и тогда между остальными малютками подымался такой хохот и возня! Ужасно забавно было! Они пели, и Иван узнал все хорошенькие песенки, которые он певал ещё ребенком. Большие пёстрые пауки, с серебряными коронами на головах, должны были перекидывать для эльфов с куста на куст всякие мосты и ткать целые дворцы, которые, если на них попадала капля росы, сверкали, при лунном свете, чистым хрусталём. Но вот, встало солнышко, малютки-эльфы вскарабкались в чашечки цветов, а ветер подхватил их мосты и дворцы и понёс по воздуху, точно простые паутинки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.